

В.П. Жарков.. То, о чем говорил Григорий Кертман, заставляет вспомнить о Морисе Хальбваксе и его понимании социальных рамок коллективной памяти. Собственно, этот автор ввел понятие коллективной памяти в научный оборот.

К сожалению, как я понимаю, большая часть тех, кто сегодня занимается коллективной памятью, больше апеллируют к Яну Ассману и другим авторам. Но Морис Хальбвакс фактически, если редуцировать его понимание коллективной памяти, то это история, рассказанная дедушками внукам.

И это очень хорошо ложится в то, что описал Григорий Кертман. Потому что, безусловно, эта симпатия внуков к дедушкам, которые переживают по поводу распада СССР, - мне кажется, это не до конца нами отрефлексированная коллизия, в которой находятся, в том числе, я думаю, и многие мои студенты.

И здесь же (уже на полях) скажу, что, конечно, мне регулярно отвечают на вступительных экзаменах в магистратуру на вопрос о конце холодной войны. Его часто выбирают. Между прочим, это популярный вопрос. Наша манчестерская система разрешает абитуриенту самому выбирать вопрос и готовить.

И, конечно, общим местом сейчас является представление о том, что а) Советский Союз, распад СССР и был концом холодной войны; б) что внешняя политика Горбачева была провальной, потому что она была мягкой и уступчивой. Нужно было жестко стучать кулаком по столу. Попытки как-то вступить здесь в диалог показывают, что это просто воспроизводство неких клише, которые навязаны не только, кстати, учебниками. Я думаю, не столько учебником, сколько в целом действительно огромной массой текстов, сказанных и написанных вокруг этого.

В связи с этим я рассматриваю это как совершенно замечательный подарок – то, что Иван Курилла сказал о роли холодной войны. Только единственное, что я бы здесь, конечно, поправил. Холодная война – это все-таки журналистская метафора. А межблоковое противостояние, противостояние

социализма и коммунизма как двух неких парадигм развития, где социализм претендовал на роль некоего второго мира, другого мира, который построен по неким другим основаниям после того, как Сталин отказался подписывать Бреттон-Вудское соглашение. Точнее, подписал, но не ратифицировал его. И, собственно, конечно, играл очень важную роль в конструировании всего этого советского блока со всеми его атрибутами, включая Берлинскую стену. Но значит ли это, что мы должны сожалеть об этом? Более того, можно ли было без конца играть в эту игру? Учитывая, что на этой конференции было сказано, что одним из вполне реалистичных выходов из этой игры была ядерная война и всеобщее истребление.

Поэтому я не могу сказать, что я согласен с конечной формулировкой Ивана Куриллы, что конец холодной войны мог развалить Советский Союз. Другое дело, что оба эти обстоятельства – ложность и подмена Союза свободных республик, фактически, новой империей, которая стала центром полумира и потратила значительную часть ресурсов страны и времени на то, чтобы противостоять ради некоей, в общем, в конечном итоге оказавшейся несостоятельной идеи, - стали теми причинами, которые легли в основу, в том числе, и той катастрофы, к которой мы пришли к началу 90-х годов. Это безусловно.

Другое дело, что здесь это хорошо, конечно, ложится и на то, о чем сказал Никита Соколов. Потому что учреждающее событие 45-го года, таким образом, является учреждающим событием не только Победы, но и новой войны, в которую вступил советский народ, сразу выйдя из 45-го года.

Потому что холодная война фактически начинается с длинной телеграммы Кеннана, то есть из тех действий, которые предпринял Сталин.

Думаю, что это, конечно, является учреждающим событием для того, что Лев Шлосберг очень удачно, на мой взгляд, назвал «народом войны». Мы сегодня имеем действительно народ войны. И, наверное, те 15%, которые могут артикулированно рассказать о том, кто такой Сахаров, - это условный «народ мира».

И вопрос в том, что я бы не искал учреждающегося события для народа мира в прошлом. Боюсь, что август 91-го года на эту роль уже не подойдет, во многом потому, что это событие не было связано с каким-то новым договором.

Я не исключаю того (я предлагаю об этом подумать), что, возможно, этого события еще не произошло. Мы говорим о том, что мы ищем все время где-то там, где подсвечено. Может быть, этого события еще не произошло. И может быть, та Россия мира и та Россия свободы, о которой мы все так или иначе мечтаем, будет учреждена каким-то другим, новым событием. Ведь история, слава Богу, не кончается сегодняшним днем.

И.И. Курилла. Василий, , это все-таки не моя точка зрения. Я излагал существующую в Соединенных Штатах, доминирующую концепцию о связи холодной войны и распада СССР. То есть Вы не согласны не со мной в данном случае, а с теми, кто это пишет. Я как раз тоже не согласен. Я тоже считаю, что распад СССР – это все-таки, скорее, внутреннее, в большей степени внутреннее событие.

Хотя я бы добавил здесь, что на сегодняшнюю попытку возродить риторику холодной войны можно посмотреть и с той точки зрения, чтобы восстановить риторику того времени в качестве одного из способов сохранить, поддержать внутреннюю устойчивость.

О.М. Здравомыслова. Это обращение к концу холодной войны и распаду СССР, поражению в холодной войне и есть в значительной степени причина того, что создается миф о нации как о нации победителей. И, естественно, Великая Отечественная война является здесь таким основополагающим событием.

Я хочу сказать, что это связанные ходы мышления. Мы проиграли в холодной войне. Теперь мы вспоминаем свое настоящее рождение, когда мы выиграли в войне. Одно с другим чрезвычайно связано. Это, кстати, тоже имеет смысл – осмыслить эту конструкцию.

В.В. Коган-Ясный. Спасибо, что пригласили в этот очень близкий мне дом. Долго буду говорить в другой раз, а сейчас постараюсь очень-очень коротко о том, чего не было сказано.

Один из Съездов народных депутатов Советского Союза (Четвертый, если я не ошибаюсь, или Пятый). Выступает народный депутат СССР по фамилии Журавлев в дискуссии о том что же будет с Советским Союзом. (Было совершенно понятно, что ситуация драматическая.) Говорит, что надо вернуться к тому, что Советский Союз – это просто Россия. Его одергивает Горбачев, и эта линия обсуждения вопроса закрывается.

Тогда, на уровне моего тогда полудетского философского сознания, я заметил, что Горбачев одернул шовинистический тренд, как сейчас бы сказали, но что это, тем не менее, очень живо в сознании. Я вспомнил, как этот вопрос был актуален для моего детства, и как дома меня учили, что Советский Союз – это Союз республик разных, и Россия – одна из них, а в школе иногда отмечали, что у многих принято считать, что, на самом деле, мы все – Россия. И я из детских впечатлений ощущал, что эта альтернатива нас ждет в будущем, что она резонирует, и станет актуальной.

Как ни странно, по-настоящему проблема «срезонировала» как раз в Беловежской пуще. Потому что снаружи распад Советского Союза.., это воспринималось как распад. С точки зрения номенклатуры при Ельцине это воспринималось как попытка сделать именно Россию новым Центром - я это хорошо помню, - новым доминирующим центром. Но попытка осуществить это уже без советских элит, без Горбачева, без тех, кто хотел радикально модернизировать именно Союз, – от Абалкина до Явлинского. Все это хотели сделать без них. (Еще можно добавить, что, вместо преобразования элит, был взят курс на их раскол и последующую деградацию.)

Парадокс был в том, что они это сделали - и они же этого как бы стыдились. Потому что никогда Беловежскую пущу администрация Ельцина не представляла как политическое достижение.

Все последующие 25 лет – это попытка так или иначе доказать состоятельность российского проекта не только внутри российских границ. И в этом смысле нам еще предстоит осмыслить с точки зрения распада Советского Союза то, что происходит с 2014-го года и по сей день. Потому что именно сейчас мы переживаем настоящий распад гуманитарного пространства. Не в 91-м и не в 90-е, и не в 2000-е, а именно сейчас мы действительно должны осознавать, что мы переживаем распад советского гуманитарного пространства, советской общности, в том числе и молодежи, которая пережила 91-й, пережила 2000-е. Сейчас молодежь этого не переживает, она реально разрушается, так как открытый шовинизм и доверие между народами не совместимы между собой. Придется позже предпринимать огромные усилия, чтобы восстанавливать доверие между людьми и народами.

И в этом смысле мы должны понимать, что мы теряем, выбирая сейчас неоимперский курс.

Е.А. Марков. Андрей Архангельский и Сергей Лукашевский коснулись замалчивания – 1985 – 1991 годов. Мне кажется, это очень важная тема, особенно в стенах Горбачев-Фонда надо об этом сказать.

Я думаю, что перестройка была периодом культурного и общественного ренессанса, который готовился в советском обществе очень долго. Ведь как мы смотрели в 60-70-е годы фильмы? Что-то смелое всегда искали там.

Положительный белогвардеец Высоцкий или что-то такое.

Многие люди до этого ренессанса не дожили, такие как Леонид Губанов, Анатолий Зверев. Кто-то его застал уже за рубежом, кто-то был смертельно болен, как Венедикт Ерофеев. Это замалчивается, потому что 91-й год – может быть, это в какой-то степени, конечно, крах Советского Союза. Но, с другой стороны, это реинкарнация каких-то темных сил, inferнальных, имеющих советский исток и природу и подавивших, в общем, слишком короткий ренессанс 85-90-х годов.

И сейчас мы опосредованно пытаемся его восстановить. При этом есть некоторая подмена - это тоска и боль о Советском Союзе. На самом деле это тоска и боль об этом ренессансе, к которому мы так стремились в течение как минимум лет 30 советской власти.

А какие-то силы - в каждом человеке есть эти силы - пытаются подавить этот культурный ренессанс, заявленный и в какой-то степени воплощенный, достигнутый именно в перестройку, когда появились прекрасные фильмы, когда к нам вернулась русская философия, русские писатели. Действительно был такой, в общем-то, интеллектуальный праздник – ренессанс.

О.М.Здравомыслова. Символично, что мы заканчиваем конференцию репликой о культуре и культурном ренессансе. Это как-то радует в конце разговора.

Я хочу поблагодарить, во-первых, всех участников. И лишний раз мы, по моему, убедились в том, что эти события конца 80ых, ставшие историей, хотя и недавней историей, по-прежнему являются нервом, постоянной дискуссией о нашем обществе. И не только о нашем обществе, но теперь уже о России в мире. Я думаю, это, в общем, понятно. Понятно, почему так есть и будет оставаться долго.

Я хотела бы в конце вернуться к тому, с чего я начала – с мысли о разрывах в нашей истории. Когда я сказала, что это характерная черта именно нашей истории, я имела в виду и то, что (, кстати, об этом потом говорили) это была история не общества, а история власти. Общество не принимало в ней настоящего участия. Оно оказывалось перед фактом, что с ним нечто произошло.

Это, кстати, прямое отличие нашей истории, скажем, от той же французской, когда результатом Французской революции было то, что говорит сейчас каждый француз: мы стали нацией и мы получили право. Именно тогда родилось общество в том смысле, в котором оно делает историю, , во всяком случае, участвует в своей истории.

С этой точки зрения, процесс рождения нашего общества упирается непосредственно в перестройку, и Горбачев обращался именно к обществу. Другой вопрос, что как все потом пошло. Но советское общество его вначале очень горячо поддержало и поддержало в его стремлении совершить не переворот, а переход, реформу, начать трансформацию в направлении демократизации. Еще не демократии, но демократизации. Собственно говоря, этот импульс шел от общества и Горбачев его уловил и выразил. И я думаю, что только таким образом можно преодолеть разрывы в истории. Потому что общество переходит через какой-то рубеж и идет дальше, когда оно само принимает в этом участие. Если мы не участвуем, тогда кто-то историю для нас конструирует... Это то, с чем мы зачастую имеем дело сейчас. И пока общество не включится в этот процесс, его история будет состоять из разрывов и страхов разрыва, как, собственно, в значительной степени у нас и происходит.

Поэтому я хочу поддержать Василия Жаркова, который сказал, что, может быть, то событие, которое родит не «народ войны», а «народ мира», участвующий в истории, еще у нас впереди. Надеюсь что оно впереди. Но оно, безусловно, будет иметь связь с тем импульсом, который был задан перестройкой.